

**ВАЦЛАВ
ВОРОВСКИЙ**

НУ, И ПАРТИЯ!

Вацлав Вацлавович Воровский

Ну, и партия!

Аннотация

«Когда после выборов в Государственную думу в Таврический дворец съехалась добрая сотня октябристов, Гучков хлопнул по животу Плеваку и сказал:

– Ну, брат, не ожидал я, что нас столько в России! Да, мы и вправду партия!

И он побежал заказывать себе адмиральский мундир...»

Содержание

Вацлав Воровский

Ну, и партия!

Когда после выборов в Государственную думу в Таврический дворец съехалась добрая сотня октябристов¹, Гучков хлопнул по животу Плеваку и сказал:

– Ну, брат, не ожидал я, что нас столько в России! Да, мы и вправду партия!

И он побежал заказывать себе адмиральский мундир.

А «московский златоуст»² только ухмылялся победоносно и плотнее завернулся в свою римскую тогу.

Партия, действительно, оказалась «огромнейшая».

Да только одна беда – благодаря этой огромности никак нельзя было удержать ее в целости.

Совсем как у какого-нибудь профессора, занимающегося на летних каникулах сельским хозяйством у себя в имении.

Бежит, скажем, свинья по огороду. Профессор с палкой за ней.

– Ах ты, подлая!

И гонит-гонит, выгонит далеко за округу. А свинья-то, в конце концов, оказывается своя же.

¹ *Октябристы*, или «Союз 17 октября», – партия крупных капиталистов и помещиков, возникшая после манифеста 17 октября 1905 г. и проводившая реакционную, промонархическую политику.

² «*Московский златоуст*» – так называли известного московского адвоката Плевака, члена Государственной думы.

А другой раз загонит в хлев корову – да чужую!

Приходит сосед: скандал, ругань, грозит протоколом.

Приходится отдать трешницу – только отстань.

Нечто подобное творится и в огромнейшей октябристской партии.

Произносит, положим, Гучков речь о значении наплечных знаков для бронированного флота³.

Вдруг какой-то оратор, сидящий правее его, начинает разносить речь Гучкова, доказывая, что его взгляд – измена отечеству и гибель для русского флота.

Целая стая октябристов набрасывается на дерзкого оратора – а потом оказывается, что это свой же человек, основатель глуповского отдела союза, его благодетель, состоящий в то же время на службе по департаменту полиции.

Но хуже всего – это голосования. Тут никогда своих овец не соберешь.

Поднимает руку Гучков – кажется, всем бы октябристам поднять надо. Не тут-то было! Кои голосуют «за», кои – «против», кои – воздерживаются, а кои – просто в буфете с Остен-Сакеном коньячище дуют. Вот и управляй такой партией!

Выходит, как в поговорке: хвост вытащит – нос увязнет; нос вытащит – хвост увязнет!

Однако октябристы утешали себя.

³ Имеется в виду выступление Гучкова по поводу ассигнования средств на строительство военного флота.

– Наша партия такая огромная, – говорит Гучков, – что нельзя требовать единообразия. Мы не революционеры какие-нибудь, чтобы подводить все под один ранжир. У нас свобода мнения.

И все шло хорошо.

Всяк поступал по «совести»: кто голосовал с кадетами, а кто с «Союзом русского народа». Кто критиковал правительство, а кто отворял дверцы министерских карет.

И все были довольны.

А главное – приятно было, что и правительство довольно. Оно неоднократно одобряло тактику крупнейшей партии и даже само разрешало ей от времени до времени вносить запрос в думу – вроде финляндского⁴ – для оживления занятий и отвлечения внимания от сметы Министерства внутренних дел.

Но одно смущало вождей октябристов.

В официальном органе министерства – в «России» – некто Лукин писал очень неблагоприятные для них отчеты о заседаниях думы.

Это огорчало октябристов. Как же так: глава правитель-

⁴ В мае 1908 г. октябрист Гололобов внес запрос в думу о Финляндии, подчеркнув при этом, что двуглавый орел должен реять над Финляндией. Характеризуя позиции «черносотенных бандитов Зимнего дворца и октябристских шулеров III думы», – В. И. Ленин впоследствии писал на страницах газеты «Пролетарий», что «уничтожение конституции, которою защищены права финляндцев от произвола русских самодержцев, уравнение Финляндии с прочей Россией в бесправии...» – такова цель похода реакционеров против Финляндии (Сочинения, т. 16, стр. 63).

ства чуть ли не на «ты» с Гучковым, а орган вдруг ругает октябристов.

Да как ругает! Не только ругает их взгляды и речи, не только издевается самым обидным образом над личностями ораторов, но еще извращает умышленно их слова, чтобы компрометировать их в глазах властей и благомыслящей части общества (т. е. читателей «России»).

И никак они не могут узнать, кто этот Лукин.

Однажды сидели во фракции все вожди октябристов. Был тут и сам Гучков, был и Шубинский, и Мейендорф, и Голицын, и Половцев, и Люц и многие другие.

Зашла речь об отчетах «России».

– Какой это негодяй нас там ругает? – возмутился Мейендорф.

– Ну, ругай наш взгляд, наш проект, – горячился Люц. – А перевирать речи – это уже подлость.

– Какой-то наемный писака, – презрительно бросил князь Голицын.

Гучков помалкивал. Наступила пауза. Тогда Половцев самодовольно заржал.

– Хэээ... это я пишу отчеты в «Россию» и подписываюсь Лукин. Хэээ...

Собеседники онемели.

– Т. е. как же это? – недоумевал Мейендорф. – Ведь вы же член нашей партии?

– Хэээ... ну, так что ж? У нас свобода мнений... а я, как

состою на службе по министерству внутренних дел, так у меня и мнение свое...

Расходились все очень смущенные.

– А все-таки наша партия громаднейшая, – говорил Гучков, держа за пуговицу Шубинского.

– И главное – всегда лояльная, – прибавил Шубинский, предостерегающе подняв палец.

Фавн

«Одесское обозрение»,

9 мая 1908 г.